

Александр БУШКОВ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА, ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

РАССКАЗ

Паровоз заухал, зашипел, зафыркал, пустил дым, дернул разноцветные вагоны, и они поплыли мимо поручика Сабурова, навсегда уносясь из его жизни. Поезд длинно просвистел за семафором, и настала тишина, а дым развеяло в спокойном воздухе. «Чох якши», — мысленно сказал себе по-басурмански Сабуров, и от окружающего благолепия ему на глаза едва не навернулись слезы. Для здешних обывателей тут было скучное захолустье, затрюханный уезд, забытый богом и губернскими властями. А для него тут была Россия.

Ему вдруг неизвестно почему показалось, будто все это уже было в его жизни — красное зданье вокзала с подведенными белыми полуколоннами и карнизами, пузатый станционный жандарм, изящная водонапорная башенка с кирпичными узорами поверху, сидящие поодаль в траве мужики, возы с распряженными лошадьми, рельсы, чахленькие липы. Хотя откуда ему взяться, такому чувству, если Сабуров здесь впервые?

Художник Павел БУНИН

Он подхватил свой кофр-фор и направился в сторону возов — путь предстоял неблизкий, и нужно было поспешать.

И тут сработало чутье, звериное ощущение опасности и тревоги — способность, подаренная войной то ли к добру, то ли к худу, награда ее и память. Испуганное лицо мужика у ближнего воза послужило толчком или что другое, но поручик Сабуров быстро осмотрелся окрест, и рука было привычно дернулась к эфесу, но потом опустилась.

Его умело обкладывали.

Пузатый станционный жандарм оказался совсем близко, позади, и справа надвигались еще двое, помоложе, поздоровше, ловчее на вид, и слева двое таких же, молодых, ражих, а спереди подходили ротмистр в лазеревой шинели и какой-то в партикулярном, кряжистый, неприятный. Лица у всех и жадно-азартные, и испуганные чуточку — как перед атакой, право слово, только где ж эти видели атаки и в них хаживали?

— Па-атрудитесь оставаться на месте!

И тут же его замкнули в плотное кольцо, сторожа каждое движение, сапогами запахло, луком, псарней. А Сабуров опустил на землю кофр-фор и осведомился:

— В чем дело?

Он нарочито не добавил «господа». Много чести.

— Патрудитесь предъявить все имеющиеся документы, — сказал ротмистр — лицо узкое, длинное, щучье.

— А с кем имею?

Он нарочно не добавил «честь». А вот им хрен.

— Отдельного корпуса жандармов ротмистр Крестовский, — сообщил офицер сухо и добавил малую толику веселее. — Третье отделение. Изволили слышать?

Издевался, щучья рожа. Как будто возможно было родиться в России, войти в совершеннолетие и не слышать про Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии! Лицо у ротмистра Крестовского выражало столь незыблемое служебное рвение и непреклонность, что сразу становилось ясно: протестуй не протестуй, край бурлацкой руганью или по-французски поминай дядю-сенатора, жалуйся, угрози, а то и плюнь в рожу — на ней ни одна жилочка не дрогнет, все будет по ес, а не по-твоему. И поручик это понял, даром что за два года от голубых мундиров отвык — они в действующей армии не встречались. Теперь приходилось привыкать наново и вспоминать, что возмущаться негоже — глядишь, боком выйдет...

Документы ротмистр изучал долго — и ведь видно, что рассмотрел их вдоль-поперек-всяко и все для себя определил, но тянет волюнку издевательства ради. А орденка-то ни одного, а у меня три, и злишься небось, что в офицерское собрание тебя не пускают, подумал поручик Сабуров, чтобы обрести хоть какое-то моральное удовлетворение.

— По какой надобности следуете? Из бумаг не явствует, что по казенной.

— А по своей и нельзя? — спросил поручик, тарача глазенки, аки дитятко невинное.

— Объясните в таком случае, — сказала Щучья Рожа. Бумаги пока что не отдала.

Поручик Сабуров набрал в грудь воздуха и начал:

— Будучи в отпуске из действующей армии до сентября месяца для поправления здоровья от причиненных на театре военных действий ранений, что соответствующими бумагами подтверждается, имею следовать за собственный кошт до города, обозначенного на картах как N. и в документах таковым же значащегося...

Он бубнил, как пономарь, не выказывая тоном иронии, но с такой нахальной развальдой, что ее учуяли все, даже состоящий при станции пузатый.

— ...в каком-то предстоит отыскать коллежского советника вдову Марью Петровну Оловянникову для передачи оной писем и личных вещей покойного сына ее, Верхгородского драгунского полка подпоручика Оловянникова, каковой геройски пал за бога, царя и отечество в боях за город Плевну и похоронен в таком-то...

— Ради бога, достаточно, — оборвал его ротмистр Крестовский. — Я уяснил суть анабазиса вашего. Что же, дали мы маху, господин Смирнов?

Это тому, партикулярному. Партикулярный чин (а видно было, что это не простой уличный шпион — именно статский чин) пожал плечами, вытянул из кармана потрепанную бумагу:

— Что поделать, Иван Филиппович, сыск дело такое... Смотрите, описание насквозь подходящее: «Роста высокого, сухощав, белокур, бледен, глаза голубые, в движениях быстр, бороду бреет, может носить усы на военный манер, не исключено появление в облике офицера либо чиновника». Подполковника Гартмана, царство ему небесное, наш как раз и упокоил, в офицерском мундире будучи...

— Интересная бледность — это у девиц, — сказал поручик Сабуров. — А я, по отзывам, всегда был румян.

— Может, это вы попросту загорели в целях маскировки, — любезно сообщил господин Смирнов. — А несчастного Гартмана бомбою злодейски убивая, были бледны.

— Господин Гартман, надо полагать, из ваших? Отдельного корпуса то бышь?

— Именно. Питаете неприязнь к отдельному корпусу?

— Помилуйте, с чего бы вдруг, — сказал поручик Сабуров. — Просто я, как-то так уж вышло, по другой части, мундиры больше другого цвета — хоть наши запылены да порваны иногда...

— Каждый служит государю императору на том месте, где поставлен, — сказала Щучья Рожа.

— О том самом я и говорю, — развел руками поручик. — Чох якши эфенди.

Губы Щучьей Рожи pokrивились:

— Па-атрудитесь в пределах Российской империи говорить на языке, утвержденном начальством! Патрудитесь получить документы. Можете следовать далее. Приношу извинения, служба.

И тут же рассосались жандармы, миг — и нету, воротился на свое место пузатый станционный страж, Крестовский и Смирнов повернулись кругом, будто поручика отныне не существовало вовсе, и Сабуров услышал:

— Отправить его отсюда, Иван Филиппыч, чтоб под ногами не путался,

— Дело. Займитесь, — кивнул Крестовский, ничуть не заботясь, слушал их Сабуров или нет. — Выпихните в Н. до ночи сего вояжера. Черт, однажды уже нахватались в заграницах такие вот гонористые, дошло до декабря... Закреть бы эту зараницу как-нибудь...

Смешок:

— Так ведь императрицы — они у нас как раз из заграниц, Иван Филиппыч...

— Все равно. Закреть. Чтоб ни туда и ни оттуда.

— Ну, этот-то — от турок. Азия-с.

— Все равно. И там свои вольтерьянцы. Правда, там их можно на кол, попросту...

И ушли. А Сабуров остался в странных чувствах — было тут что-то и от изумления, и от гнева, но больше всего от ярости. Выглядел поручик в этой истории как нижний чин: ему вахмистр хлещет по роже, а он в ответ — упаси боже, руки по швам и молчи...

Плюнул и решил выпить водки в буфете. Подали анисовую, хлебушка черного, русского (у болгар похож, а другой), предлагали селянку, но попросил сальца — чтобы с мясом и торчали зубчики чеснока, пожелтевшего уже, дух салу передавшего. Выпил рюмку. Еще выпил. Медленно возвращалось прежнее благодушное настроение.

О чем шла речь, он сообразил сразу. Давно было известно по скупым слухам, что в России, как в Европе, завелись революционеры. Как в Европе, кидают бомбы и палят по властям предержащим, пытаются взбунтовать народ, но ради чего это затеяно и кем — совершенно непонятно. Никто этих революционеров (называемых также нигилистами) не видел, никто не знает, много их или мало, то ли они в самом деле наняты Бисмарком, жидами и полячишками, то ли, как пятьдесят четыре года назад, мутню начинают люди из тех, кто, по тем же слухам, вписан в Бархатную книгу — а разве такие люди наемниками быть могут? Но вот какого рожна им нужно, если и так выполнено все, за что сложили головы полковник Пестель со товарищи, — крестьян освободили, срок службы сбавили и произвели всевозможные реформы? Поручик Сабуров не знал ответов на эти вопросы. В Болгарии все было просто и ясно, там он понимал все сверху донизу, а в этих слухах сам черт ногу сломит...

— Господин Сабуров!

Смирнов стоял над ним, улыбаясь как ни в чем не бывало.

— Собирайтесь, господин Сабуров. Окажю мы вам подыскали. Не лакированный экипаж, правда, ну да разве вам привыкать, герою суровых баталий? Никто нас не упрекнет, что оказались печутками к славному представителю победоносного воинства российского.

Сабуров хотел было ответить по-русски и замысловато, но посмотрел в эти склизкие глаза и доподлинно сообразил, что в случае отказа или ссоры следует ожидать любой пакости. Да бог с ними... Лучше уж убраться от них подальше. Он вздохнул и полез в карман за деньгами — уплатить буфетчику.

— А вот скажите, господин Смирнов, — решил он, когда вышли на воздух. — Эти ваши... ну, которые бомбами...

— Государственные преступники? Нигилисты?

— Эти. Что им нужно, вообще-то говоря?

— Расшатать престол в пользу внешнего врага, — веско сказал Смирнов. — Наняты Бисмарком, жидами и ляхами, — он подумал и добавил: — И французишками.

Все вроде бы правильно, и Смирнов был человеком государственным, облеченным и посвященным, да уж больно мерзкое впечатление производил сыщик, нюхало, стрюк, разве может такой говорить святую правду?

Оказия была — запряженная тройкой добрых коней купечская повозка из Н. Гонял ее сюда купец Мясоедов со снедью для господского буфета — то есть купец владел и хозяйствовал, а гонял повозку за сто верст приказчик Мартьян, кудряш-детина, если убивать — только из-за угла в три кола. Да еще безмен с граненым шаром под рукой, на облучке. Иначе и нельзя в этих глухих местах, где всюю пошаливают, такой приказчик тут и надобен...

Сенцо было в повозке, Мартьян его покрыл армяком, повозка — вроде ящика на колесах, чего ж не ехать-то?

На прощанье попутал бес, поручик достал золотой, протянул Смирнову с самой душевной улыбкой:

— За труды. Не считите...

Глядя Сабурову в лицо, Смирнов щелчком запустил монетку в сторону, в лопухи — блеснул, кувыркаясь, осанистый профиль государя императора. Сыщик улыбнулся, пообещал:

— Бог даст — свидимся...

И ушел.

— Это вы зря, барин, ваше благородие, — тихонько, будто самому себе, не особо-то и глядя в сторону седока, сказал Мартьян. — Эти долгопамятные...

— Бог не выдаст — свинья не съест. Кого ищут?

— А кого б ни искали, все лишь бы не нас. — Он весело блеснул зубами из цыганской бородищи. — Тронемся, ваше благородие, аль как? Три дня здесь торчу, пора б назад. Мясоедов в зверское состояние придет.

— А что ж ты три дня тут делал? — спросил поручик для порядка, хотя ответ на лице приказчика был выписан.

— Да кум тут у меня, вот и оно...

— Ну, трогай, — сказал Сабуров. — В дороге налью лудогорского.

— Это какое?

— Там увидишь.

— Э-эй!

Тронулись застоявшиеся сытые лошадки, вынесли повозку из огороженного жердями заплота, остались позади и мужики, с оглядкой искавшие в лопухах улетевший туда золотой, и стеклянный взгляд Щучьей Рожи. А впереди у дороги стоял человек в синей черкеске и овчинной шапке с круглой суконной тульей, держал руку под козырек по всем правилам, и это было странно — не столь уж привержены дисциплине казаки Кавказского линейного войска, чтобы нарочно выходить к дороге отдавать честь проезжающему офицеру, да еще чужого полка. А посему Сабуров велел Мартьяну попрiderжать и присмотрелся.

Казак был, как все казаки, — крепкий, с полным почтением к его благородию, но смысленным и хитроватым лицом исстари вольного человека. Себе на уме — одним словом, казак и все тут. Свернутая лохматая бурка лежала у его ног, и оттуда торчал ружейный ствол в чехле. На черкеске поблескивали два знака отличия военного ордена святого Георгия — совсем новенькие крестики на черно-оранжевой ленте.

Вот что выяснилось после беглого опроса. Платон Нежданов, урядник Тарханского полка Кавказского линейного казачьего войска, участник турецкой кампании, был командирован сопровождать военный груз при штабом офицере. На здешней станции по несчастливому случаю вывихнул ногу, прыгивая на перрон из вагона — непривычны казаки к поездам, на Кавказе этого нету, объяснял он. (Поручик, правда, подозревал, что дело тут еще и в вине, к которому казаки как раз привычны.) Был оставлен офицером на станции, неделю провалялся в задней комнате у буфетчика. Невольный наем сего помещения, лекарь, сада и принимаемая в чисто лечебных целях, для растирания больного места анисовая — все это, вместе взятое, оставило урядника совсем без капиталов. Вдобавок на вокзале не имелось никакого воинского начальства — ближайшее находилось лишь в N. Таким образом, чтобы выправить литер на бесплатный воинский проезд, приходилось отправляться за сто верст, но что тут поделаешь? Не продавать же господам проезжающим черкесскую шашку в серебре? Они-то купят, да жаль ее и казаку бесчестье.

Словом, урядник, встав на ноги, собрался подыскать оказию, помня, что на Руси служивого жалеют и помогут, если что. Но тут он как раз оказался свидетелем геройской атаки господ жандармов на господина поручика, потом усмотрел господина в партикулярном, подрядившего Мартьяна везти его благородие в N. Так что вот... Он, конечно, не наглец какой, но господин поручик, быть может, не сочтет за труд уделить местечко в повозке военному человеку, прошедшему ту же кампанию? Что до бумаг, то — вот они, в полном порядке...

Бумаги действительно были в порядке. Поручик Сабуров, сидевший уже без фуражки и полотняника¹, проглядел их бегло, приличия ради. Все ему было ясно: какой-то тыловой хомяк в чинах чего-то там нахапал и благодаря связям отправил домой под воинским сопровождением. Казак наверняка, дабы поразить воображение населения женска пола, красовался на всех останках при полном параде, а здесь соскочил на перрон, углядев достойную осады фортецию. Офицер-сопровождающий, несомненно, тоже какая-нибудь интендантская крыса (строевой не бросил бы на вокзале покалечившегося, а велел бы занести в вагон), не хотел лишних хлопот с больным, погань тыловая.

Место, понятно, нашлось, его бы еще на четверых хватило. Вскоре поручик Сабуров достал оплетеную бутылку лудогорского. Мартьян малость похмелился — на лице его обозначилось, что эта водичка — без должной крепости и все ж не то, что добрая очищенная; но из вежливости, как угощаемый, да

¹ Официальная летняя одежда офицера — белый мундир чуть выше колен. Введен в 1860 году для всех родов войск.

еще офицером, промолчал. Платон же Нежданов, наоборот, отпробовал болгарского как знаток и любитель, с некоторым форсом. Употребил немного и Сабуров.

Гладкие лошадки бежали ровной рысью, Платон пустился в разговоры с Мартьяном — про болгарскую кампанию да про турок. Привирал, ясное дело, нещадно — и насчет янычар, которые-де, если их накажут, должны перед пашой отрезать собственные уши и тут же съесть с солью, и насчет своих успехов у тамошних баб, которые, друг Мартьяша, и устроены-то поиному, вот, к примеру, взять...

Трудно сказать, насколько Мартьян верил — тоже был мужик не без царя в голове, но врать согласно словнице не мешал. Сабуров тоже слушал вполуха, бездумно улыбаясь неизвестно чему. Лежал себе на армяке поверх пахучего сена, рядом аккуратно сложен орденами вверх полотняник, повозку потряхивало на кочковатой российской дороге, вокруг тянулись леса, перемежавшиеся пустошами, а кое-где и болотинами. Болота здесь были знаменитые — правда, единственно своими размерами и проистекающей отсюда полной бесполезностью. Оттого и помещиков, настоящих, многоземельных, как мимоходом обронил Мартьян, здесь сроду не водилось. Мелких было несколько, что правда, то правда.

— Так что, и не жгли, поди? — съехидничал Платон.

— Да кого тут жечь и за что... Жгут в первую голову из-за земли, а народ у нас не пашенный. У нас — ремесла, торговлишка, так оно сейчас, так и до манифеста было. А господа... Ну вот один есть поблизости. В трубу небеса обзрывает, скоро дырку проглядит, право слово, уж простите дурака, ваше благородие. И ездят к нему такие же блажные...

— А такого случайно не было? — в шутку спросил Сабуров, испытывая свою прекрасную память. — Роста высокого, сухощав, бледен, глаза голубые, белокур, в движениях быстр, бороду бреет, может носить усы на военный манер, не исключено появление в облике офицера и чиновника...

— Что-то вы, барин? Про себя говорите, ведь все приметы ваши, кроме бледности? — Мартьян вылупил глаза, будто и впрямь дурак дураком, но в лице его что-то дрогнуло, в глазах что-то блеснуло. И правда, не за то Сабурову платят, чтобы помогал господам в голубом, которых зацепил стихом поручик Тенгинского полка Лермонтов. Да и офицерской чести противно соучаствовать тем струякам...

Они ехали остаток дня, ехали. Болтали, молчали, опрокинули еще по стаканчику, и путь помаленьку стал скучен — оттого, что впереди оставалось больше, чем позади. Вечерело, длинные тени деревьев ложились поперек дороги там, где она проходила лесом; а болотины покрывались редким пока что по светлomu времени жиденьким туманом. Солнце укатилось за горизонт.

— Блажной барин говорил как-то, что земля круглая, — сказал Мартьян с плохо скрытым превосходством тороватого и удачливого над бесталанным и блажным. — А я вот езжу — сто верст туда, сто верст назад. И везде земля, как тарелка. Ну, не без горок кой-где, но чтобы круглая...

— Оно так.., — лениво поддакнул Платон. — Но вот если возьмем...

Его прервал крик, долгий вопль на одной ноте, донесшийся издалека. Затих, потом вновь зазвучал и приблизился. Человеческий крик. Но звучал он не так, как если бы человек нос к носу столкнулся с чем-то страшным — словно кто-то давно уже вопит после какой-то ужасной встречи, давненько орет, подустал даже...

Поручик Сабуров извлек из кофр-фора кобуру, из кобуры вытянул «смит-вессон» и взвел тугой курок. В кофр-форе лежал еще великолепный кольт с серебряными насечками, взятый у чернобородого юзбаши трофей, но пусть себе лежит. Оружия и так достаточно для захолустных разбойников.

Дорога заворачивала, по ней завернула и тройка, и они увидели, что навстречу движется человек — то бежит, то бредет, то снова побежит, и машет руками неизвестно кому, и мотаает его, как назюзюкавшегося...

— Тю! — сплюнул Мартьян. — Рафка Арбитман, и таратайки его при нем негу...

— Это кто?

— Да!.. Разной ветошью торгует-продает. — Мартьян вроде и поскущел чуточку. — Шляется тут туда-сюда. Вот ты господи, у него ж и...

Он осекся.

— Что, хошь сказать, у него и брать-то нечего? — подхватил смекалистый Платон. — Думаешь, придорожные подраздели? Знаешь поди, кого?

— Да ничего я не знаю, отзыдь! Прр! — Мартьян натянул вожди. — Эй, Рафка, чего у тебя там?

Старик подошел, ухватился за борт повозки, поручик Сабуров, оказавшийся ближе, наклонился к нему и едва не отпрянул — таким из этих библейских глаз несло ужасом, смертным отрешением тела и духа от всего сущего.

— Слушайте, — сказал старик. — Едьте отсюда совсем скоро, иначе среди здесь будет дьявол, как лев рыкающий, он придет, и смерть нам всем. Все кричат на старого еврея, что он продал Христа, и я вот думаю: может, какой один еврей когда и продал немножко Христа — иначе почему и откуда на старого Рафаэла выскочило такое... Молодые люди, вы только не смейтесь и не держите меня за безумного — бежать нужно, иначе мы умрем этим ужасом!

Они переглянулись и покивали друг другу с видом людей, которым все ясно и слов не требуется.

— Садись вот, бог с тобой, — сказал Мартьян и положил безмен на колени, освобождая место на облучке.

Старик подчинился, вожди хлопнули по гладким спинам, и лошади рванули вперед; но торговец, едва убедившись, что назад они не поворачивают, скатился с облучка и с диким воплем кинулся прочь, махая руками. Они кричали ему вслед, но старик не остановился.

— Да ладно, — махнул рукой Мартьян. — Не хочет с нами, пусть пешим тащится. Медведей с волками тут от Мамая не бывало, никто его ночью не съест. А в болото ухнет — на нас вины нет. Честью приглашали. Но-о!

Двенадцать копыт вновь грянули по пыльной дороге. Поручик Сабуров положил «смит-вессон» рядом, стволом от себя, а

Платон ради скоротания дорожной скуки негромко затянул песню.

Вдруг лошади, заржав, шарахнулись а сторону, повозку швырнуло к обочине, Сабуров треснулся затылком о доску, и в глазах действительно притуманилось. Мартьян удерживал коней, кони приплясывали и храпели, а Платон Нежданов уже стоял на дороге, взяв ружье на руку, пригнувшись, зыркал туда-сюда.

Сабуров выскочил, держа револьвер стволом вниз. Хлипконекая двуколка торговца лежала в обломках, только одна уцелевшая оглобля торчала из кучи расщепленных досок и мочальных вязок. Возле валялась ветошь и разная домашняя рухлядь. А лошади не было: так, ошметки — тут клоч, там кус, там набрызгано кровью, и тарашит уцелевший глаз длинная подрыпанная голова. Сгущались сумерки, с болот наплывал холод.

— Ваше благородие! — выдохнул урядник. — Это что ж? И медведь так не разделает...

— Да нет у нас медведей! — закричал Мартьян с облучка.

— Я и говорю. Но кто-то же разделал?

Он глянул на Сабурова, по долголетней привычке воинского человека ожидая команды от старшего, коли уж старший находился тут, но что поручик мог приказать? Он стоял с тяжелым револьвером заграничной работы в руке, и ему казалось, что из леса плятятся сотни глаз, что там шерятся сотни пастей и в каждой видимо-невидимо клыков, а сам он, поручик, маленький и голый, как при явлении на божий свет из материнского чрева. Древний, изначальный страх человека перед темнотой и неизвестным зверем всплывал из глубины, туманил мозг. Перед глазами секундным промельком вдруг возникло то ли воспоминание, то ли морок — что-то огромное, в твердой чешуе, шипящее, скалящееся...

Все же он был боевым офицером и, прежде чем отступить, скомандовал:

— Урядник, в повозку! — запрыгнул сам и крикнул: — Гони!

Лошади дернули, погонять не гришлось, Мартьян стоял на облучке, свистел душераздирающе, ухал, орал:

— Залетные, не выдайте! Господа военные, пальните!

Громыкнуло черкесское ружье, поручик Сабуров поднял револьвер и выстрелил дважды. Лошади летели во весь опор, далеко разносились свист и улюлюканье, страх холодил спину. Бог знает сколько продолжалась бешеная скачка, но наконец тройка влетела в распахнутые настежь ворота постоянного двора, и на толстых цепях заматались, зайдясь в лае, два здоровущих меделянских кобеля.

Хозяин был, как все хозяева придорожных заезжих мест, где хляки не сгодятся, — кряжистый, с дикой бородой, жилетка не сходилась на тугом брюхе, украшенном серебряной часовой цепкой; на лице извечная готовность услужить чем возможно и невозможно. Мартьяна он встретил как давнего знакомого, но, услышав про лошадиные клочки, покачал головой:

— Поблазнилось, не иначе. Медведи-волки еще при Катерине перевелись.

Хозяин стоял у широкого крыльца рубленного на века в два

этажа постоянного двора, держал в руке старинный кованый фонарь, которым при нужде нетрудно ушибить насмерть среднего медведя, и был похож на древнюю степенную каменную статую, и все вокруг этого былинного кожемяки — дом, конюшня, тын с широкими воротами, колодец, коновязь, сарай — казалось основательным, вековым, успокаивало и ободряло. Недавние страхи показались глупыми, дикая скачка с пальбой и криками смешной даже, стыдной для балканских орлов. И орлы потупились.

— Ну а все-таки? — не глядя на хозяина, спросил Сабуров.

— Да леший, дело ясное, — сказал хозяин веско. — У нас их не так чтобы много против Вольни или Мурома — вот там кишмя, но и наши места, чать, христианские, лешего имеем.

— А ты его видел? — не утерпел Платон.

— А ты императора германского видел?

— Не доводилось.

— Так что же, раз ты его не видел, его и нет? Люди видели. Есть у нас леший, обитает вроде бы за Купавинским бочагом. Видать, он и созоровал.

Мартьян, похоже, против такого объяснения не возражал. Сдавалось поручику, что и Платон тоже. Сам Сабуров в лешего верил плохо, точнее говоря, не верил вообще, но, как знать, вдруг сохранился от старых времен один-единственный и обитает в этих местах? Люди про них рассказывают вторую тысячу лет, отчего слухи эти держатся столь долго и упорно, не бывает ведь дыма без огня?

В таких мыслях было виновато не иначе это подворье — бревна рублены и уложены, как при Владимире Святом, живой огонь мерцает в кованом фонаре, как при Иване Калите, ворота скрипят, как при Годунове они скрипели, словно не существует за полсотни верст отсюда ни паровозов, ни телеграфа, словно не полсотни верст отсчитали меж вокзалом и постоянным двором, а полсотни десятилетий...

Поручик Сабуров мотнул головой, стряхивая с себя оцепенение, звякнули его ордена.

— Прошлой ночью, баяли, огненный змей летал в Купавинский бочаг, — добавил хозяин. — Непременно к лешему в гости.

Сообщение это повисло в воздухе, не вызвав возражений, что-то не тянуло спорить о лесной нечисти, а хотелось поесть и завалиться на боковую. Вечеряли наскоро, в молчании, сидя на брусчатых¹ лавках у толстого стола. Подавала, тоже молча, корявая баба, ввергнувшая урядника в разочарование — он явно надеялся, что хозяйская супружница окажется попримягнее.

Разошлись. Поручику Сабурову досталась «господская» во втором этаже, с тяжелой кроватью и столом, без всякого запора изнутри. «У нас не шалят, нам это не надобно», — буркнул хозяин, зажигая на столе высокую свечу, — Сабуров ее выговорил за отдельную плату.

Кто его знал, не шалят или вовсе наоборот. Темные слухи о постоянных дворах кружили по святой Руси с самого их устрой-

¹ Изготовленные из цельного бруса.

ства — про матицу, что ночью спускается на постель и душит; про тайные дощечки, что вынимаются, дабы просунуть руку с ножом и пырнуть; про раздвижные половицы, переворотные кровати, низвергающие спящего в яму с душегубами; про всевозможные хитрые лазы, кучи трупов в подвалах, а то и пироги с человечиной, подаваемые следующим гостям. В большинстве своем это, понятно, были враки.

И все же Сабуров положил на стол «смит-вессон» со взведенным курком, а потом, бог весть почему, вытащил из ножен саблю, недавно отточенную заново, но зазубрины остались, не свети даже со златоустовского клинка следы встречи с кривым ятаганом или удара о немakanую голову.

Он поставил саблю у стола, чуть передвинул на другое место револьвер. Непонятно самому, чего боялся — сторожкий звериный сон, память от Балкан, позволил бы пробудиться при любом подозрительном шорохе, а местные душегубы наверняка неуклюжее янычар-пластунов. А зверя почуют собаки — во дворе как раз погромыхивали цепи, что-то грубо-ласково приговаривал хозяин, спуская медеянцев. И все равно, все равно — страх, непохожий на все прежние страхи, раздражавший и мучивший как раз потому, что не понять, чего боишься...

Он проснулся толчком, секунды привыкал к реальности, отсеивая явь от кошмара, свеча сгорела едва наполовину, вот-вот должен был наступить рассвет, потом понял, что пробудился окончательно. Протянул руку, сжал рукоятку револьвера и ощутил скорее удивление — настолько несшиеся снаружи звуки напоминали давнее дело, ночной налет янычар Рюштю-бея на балканскую деревушку. В конюшне бились и кричали лошади — не ржали, а именно кричали; на пределе ярости и страха надрылись псы.

Потом понял — не то, другое. Дикие вопли принадлежали не янычарам, а до смерти перепуганным людям — и в доме, и во дворе. Опасность, похоже, была всюду. И еще несся какой-то странный не то свист, не то вой, не то клетот. Что-то шипело, взывало, взмяукивало то ли по-кошачьи, то ли филином... да слов не было для таких звуков, и зверя не было, способного их издавать. Но ведь кто-то же там ревел и взмыкивал!

Поручик Сабуров, не тратя времени на одевание, в одном белье вскочил с постели. Голова стала ясная, тело все знало наперед — он натянул лишь сапоги, сбил кулаком свечу и прижался к стене. От сабли в тесной комнате толку мало, и потому ее Сабуров взял в левую руку, изготовившись колоть, а правой навел на дверь револьвер. Ждал с колотящимся сердцем дальнейшего развития событий, а глаза помаленьку привыкали к серому предрассветному полумраку.

Лошади кричали почти осмысленно. Псы замолкли, но какое-то шевеление продолжалось во дворе; и вопли утихли, но что-то тяжелое и огромное шумно ворочалось внизу, в горнице, грохотало лавками, которые и вчетвером не сдвинуть.

Поручик Сабуров передвинулся влево и сапогом выбил наружу раму со стеклами, обеспечив себе отступление. Адски тянуло выпрыгнуть во двор, но безумием было бы бросаться в лапы неизвестному противнику, не увидев его прежде.

Дверь отошла чуть-чуть, и в щель просунулось на высоте ар-

шин полутора от пола что-то темное, извивающееся — будто змея, укрыв голову за дверью, вертела в «господской» хвостом. Потом змея эта, все удлиняясь, стала уплощаться, и вот уже широкая лента зашарила по стене, по полу, подбираясь к постели, к столу. Сабуров понял, что ищут его, и рубаха на спине враз взмокла. Медленно-медленно, осторожно-осторожненько, боясь чем-то потревожить и вспугнуть эту ленту, похожую на язык, поручик передолил револьвер в левую руку, а саблю в правую. Примерился и сделал выпад, коротко взмахнул клинком, будто срубал на пари огоньки свечей.

Темный доскут отлетел в сторону, лента молниеносно исчезла за дверью, и поручик успел выстрелить вслед. Внизу словно бы отозвалось визгом-воем-клекотом, тяжелым шевелением, и тут же совсем рядом громынуло ружье. Жив урядник, воюет, сообразил Сабуров, отскочил к окну и выпустил три пули в неясное шевеление во дворе — он не смог бы определить, что видит, одно знал: ни человеком, ни зверем это быть не может.

Кусочек двора озарили прерывные вспышки пламени, будто запыхало что-то в одной из комнат нижнего этажа. Огонь разгорался. Зажарился тут к чертовой матери, подумал Сабуров, нужно на что-то решаться, вот ведь как...

Внизу все стихло, только во дворе что-то ворохалось, гарь зашекотала ноздри.

— Поручик! — раздался крик Платона. — Тикать надо, погорим!

— Я в окно! — заорал Сабуров.

— Добро, я в дверь!

И в этот миг с грохотом рухнули ворота. Сабуров прыгнул вниз, присел, выпрямился, осмотрелся, но ничего уже не увидел — что-то темное, большое, низкое скрывалось за высоким забором, и что-то — вроде бы смутно угадываемое человеческое тело — волочилось следом, как пленник на аркане за скачущим турком. Сабуров выстрелил вслед, вряд ли попал. Во дворе повозка лежала вверх колесами, земля была в бороздах и рытвинах. Пламя колыхалось в окне хозяйской комнаты, в конюшне бесновались лошади. Сабуров нагнулся посмотреть, на чем он стоит левой ногой, — оказалось, на мохнатом собачьем хвосте, а самих собак нигде не было видно, ни живых, ни мертвых. Поручик кинулся в дом, пробежал через горницу, мимоходом отметив, что неподъемный стол перевернут, а лавки разбросаны. Черепки посуды хрустели под ногами.

Урядник уже таскал воду ведром из кухонной кадки, плескал в хозяйскую комнату — там, должно быть, разбилась керосиновая лампа и зажгла постель, занавески, половики. Повалил едкий дым, и они, перхая, возились в этом дыму, наконец затоптали все огоньки, забили их подушками, сорвали голыми руками, обжигаясь, горящие занавески. Вывалились на крыльцо, на воздух, плюхнулись на ступеньки и перевели дух — измазанные копотью, усыпанные пухом, мокрые. Долго терли глаза, кашляли.

— Хорошо, стены не занялись. А то бы...

— Ага, — хрипло сказал поручик.

Они глянули друг другу в глаза, оба в нижнем белье и сапогах, грязные и мокрые, и поняли, что до сих пор были мелочи,

и лишь теперь только настал момент браться за настоящее дело. Мысль эта не радовала.

— Оно ж их утянуло... — сказал Платон. — Всех. И собак. Собак не видно.

— Ко мне в комнату — лента...

— И ко мне. Стрельнул, оно утянулось.

— Я — саблей...

Сабуров вспомнил и побежал наверх, урядник топотал следом. Отрубленный кусочек ленты отыскался у кровати. Поручик осторожно ткнул его концом сабли, наколол на нее, и это словно бы вызвало в куске последнюю вспышку жизни — он вяло дернулся и обвис. Так, на сабле, поручик и вынес его на крыльцо, где светлее.

Осторожно стали разглядывать, морщась от непонятого запаха — не то чтобы омерзительного, но чужого, ни на что не похожего. Лента толщиной с лезвие сабли, и на одной стороне множество мелких острых крючков, похожих на щучьи зубы, словно бы пустых внутри.

— Значит, как зацепит — и конец, — сказал поручик. — Этих шупалец у него ведь не одно. Два самое малое — и к тебе лезло в комнату, и ко мне. И — зубы. Должно быть, у него зубы — ту клячу в клочки, у пса хвост отгрыз... Мартьян где?

— Нету Мартьяна, упокой господи его душеньку. Один безмен остался. — Урядник перекрестился, за ним и Сабуров. — Смотрите, вашбродь...

Граненый шар безмена оказался перепачканным чем-то темным и липким, пахнущим в точности, как кусок шупальца.

— Отчаянный был мужик, — сказал Платон. — Это ж он с безменом на чудо-юдо...

— Чудо-юдо?

— Так не черт же, — Платон смотрел грустно и строго. — Что ж это за черт, если его можно безменом хлопнуть и кусок от хвоста отрубить? Да и черт вроде бы серой пахнет, а этот не поймешь чем, но не серой, право слово, не пеклом. И пули он боится. И железа острого опасается. Нет, барин, зверюга это, хоть и непонятная. Вот оно, стало быть, как...

Поручик отыскал штоф, и они хватили по доброй чарке за упокой христианских душ. Похрустели капустой, помотали головами, набираясь смелости.

— Три православных душеньки загубил, сучий потрох, — сказал Платон. — Вольно ж ему бегать...

— Воинскую команду бы... — сказал поручик Сабуров.

Но тут же подумал: какая в Н. воинская команда? Инвалиды при воинском начальнике, стража при тюрьме, да пара писарышек. Может, интенданты еще отыщутся — вот и все. Небогато. Да сначала еще нужно тащиться за сотни верст и доказывать где следует, что они с урядником не страдают помрачением рассудка от водки, что по здешним лесам в самом деле шастает что-то опасное! Придется сначала уломать какое-нибудь провинциальное начальствующее лицо, чтобы хоть прибыло сюда и обозрело, а что такому лицу предъявить в качестве вещественного доказательства — кусочек шупальца, безмен в вонючей жиже?

Жандармы, что на вокзале? Слабо в них, как в слушателей и

союзников, верилось, точнее, не верилось совсем. Вот и получается, что помощи от начальства ждать нечего. Должно быть, чудище объявилось недавно, рано или поздно оно наворочает дел, и паника поднимется такая, что дойдет до губернии, и зашевелится она в конце концов, и поверят шитые золотом вицмундиры, а тогда и возможности изыщут, и вытребуют войска, и леса обложат боевой кавалерией, эскадронами и сотнями, а то и картечицы Барановского подтянут — как всегда, после драки замашет кулаками Россия-матушка... Но допрежь того немало воды утечет, немало кровушки, и кровушка будет русская, родная. А присягу они с урядником принимали как раз для того, чтобы защитить отечество от любого врага.

— Так что же? — сказал Платон. — За болгарских христиан сколь крови выцедили, а тут свои...

Светало. И подступала минута, когда русское молодецтво должно рвануться наружу — шапкой в пыль, под ноги, соколом в чисто поле, саблей из ножен. Иначе — не носить больше саблю, воином не называться, самому себе не простить. Раз выпало — грудь в грудь, до виктории или геройской смертушки...

— Урядник, смир-на! — сказал Сабуров.

Урядник опустил руки по швам. Оба они были в нижнем белье и сапогах, но это не имело значения. Как-то в восемьсот двенадцатом казаки голышом опрокинули французов, так что не в штанах дело.

— Слушай приказ, — сказал поручик Сабуров. — Объявившуюся в здешних местах неизвестную тварь, как безусловно для людей опасную, отыскать и уничтожить. Выступаем немедленно. — Слушаюсь, ваше благородие! — рявкнул урядник.

И у обоих стало на душе чуточку покойнее. Теперь был приказ, были командир и подчиненный, теперь — воинская команда.

— Соображения есть? — спросил Сабуров.

— Как не быть? Большое оно, чудище-то... Вон как столылавки перебулгачило. Гренадерскую бомбу бы нам...

— Где ж ее взять...

— Местности мы не знаем, вот что плохо. Проводника бы нам, какого ни на есть...

— И подозрную трубу, — сказал Сабуров. — Помнишь, Мартьян говорил про блажного барина, что на звезды смотрит? — Помню. Думаете?

— Да уж смотрит этот барин в небеса не так просто. Только где ж его искать? Черт, ничего не знаем — и где какие деревни, и где что... Ну ладно. Давай собираться.

Сборы заняли около часа, а потом они выехали шагом на носедланных Мартьяновых лошадях, приладив самодельные уздечки — невеликая воинская команда. По опыту своему поручик Сабуров знал, как мало значат их ружье и два револьвера, но что поделаешь...

Наклонившись с конской спины, Платон разбирал следы, и вскоре последовало первое донесение:

— Ну что — какие-никакие, а есть лапы. И лап этих до этой матери, прости господи — чисто сороконожка. И ясно ведь, что тяжелое, вон ворота не выдержали, как через них лезло, а бежит легко. Это как понять?

А вскоре они наткнулись на место, где валялись повсюду кло-

чья собачьей шерсти, обрывки одежды — и кровь, кровяца там и сям... Перекрестились, еще раз помянув несчастливых рабов божьих, Мартыня и двух других, по именам неизвестных, и тронулись дальше, преодолевая тягу к рвоте.

Нервы стали, как струны, упади с дерева лист, коснись — зазвонят тревожным и печальным гитарным перебором...

— Неужто не заляжет, нажравшись? — сквозь зубы спросил Платон и вдруг натянул повод. — А вон там? Ей-богу, вижу! Вижу!

Но Сабуров и сам уже видел сквозь деревья: что-то зеленое, не веселого травяного цвета, а угрюмого болотного, шевельлось там, впереди, на лугу. У неширокого ручья паслась пятнистая коровенка, а неподалеку...

А неподалеку замер круглый блин аршинов трех в поперечнике и высотой с человека — ну, под мужское достояние, не выше. По краю, по всей окружности блина, чернели непонятные комки, штук с дюжину, меж ними синие, побольше, числом с полдюжину, а в середине опухолью зеленело вздутие с четырьмя горизонтальными черными щелями, и над ними, на макушке бугорка — будто гроздь из четырех бильярдных шаров, только шары были алые, в черных точках. Сабурова вновь замутило, так неправилен, неуместен на зеленом лугу под утренним солнышком, чужд всей окружающей природе был этот живой страх, словно и впрямь приперся из пекла.

Блин колыхнулся, множество ножек, сокращаясь, вытягиваясь, понесли его вперед со скоростью идущего шагом человека, и коровенка, только сейчас заметив это непонятное создание, глупо взмыкнула, вытарашилась, задрала вдруг хвост, собираясь бежать.

Не успела. Взвихрились черные шишки, оказавшись щупальцами аршин в пять каждое, жгуты превратились в широкие ленты, и весь пучок оплел корову, сшиб с ног, повалил, синие шишки тоже взвились щупальцами, только эти были покороче и потолще, кончались словно бы змеиными головами, только безглазыми и с длинными пастями, и зубов там — не перечесть. Зубы и щупальца рвали коровенку, пихали кусками в черные щели... Рев бедолажной животины вмиг затих.

Сабуров не выдержал, перегнулся с прядавшего ушами коня — все сегодня съеденное и выпитое рванулось наружу. Рядом то же самое происходило с Платоном.

— Ну, видел? — прохрипел Сабуров. — Куда там в шашки — опутает, вопьется...

Платон соскочил с коня — как ни разозлен был, а сообразил, что непривычный крестьянский конь выстрелов над ухом испугается. Пробежал десяток шагов до последних деревьев, обернулся:

— Коней держите, вашбродь! Мне с ружьем сподручнее!

До чуда-юда в самом деле было шагов двести, от револьвера на такой дистанции толку никакого. Урядник приложился. Целился недолго.

Чудо-юдо от выстрела содрогнулось, зашипело — пуля явно угодила в цель. Алые, в черную крапинку, шары заколыхались, стали подниматься вверх — будто со страшной скоростью вырастали красные цветы на зеленых стеблях. Вот стебли уже вы-

тянулись на аршин. Шары качались, то ли принохивались, то ли приглядывались, мотались в разные стороны, и вдруг все потянулись, наклонились в одном направлении — в их сторону, господи боже!

— Урядник, назад! — крикнул Сабуров.

Но урядник клацнул затвором, заложил новый патрон и выстрелил. Должно быть, он целил в те шары, но промахнулся. Черные и синие шупальца одно за другим отрывались от раскромсанной коровьей туши, чудище шипело, притопывая ногами, словно злилось на свою неповоротливость. Тогда только урядник с разбегу запрыгнул на коня, перехватил поводья у Сабурова, и они поскакали прочь, пронеслись с полверсты, оглянулись — никто не преследовал. Натянули поводья, и кони неохотно остановились.

— Ну, видел? — спросил Сабуров. — Нет, саблями никак невозможно. Вплотную не подступишься. Хреновые из нас Добрыни Никитичи, Платоша...

— Так что ж делать, подскажите, вашбродь! По шарам бить разве что...

— Одно и остается, — сказал Сабуров. — А ты заметил — ведет оно себя так, будто в него сроду не стреляли, не сразу и сообразило, что оглядеться следует. Непуганое...

— Господи ты боже мой! — взывал урядник. Его конь всхрапнул и дернулся. — Ну откуда оно на нашу голову взялось, и почему непуганое? Не должно его быть, в мать, в Христа, в трех святителей вперехлест через тын! Не должно!

— Да, ори не ори, а оно есть, — сказал Сабуров. — И положение наше хуже губернаторского во всех рассматриваниях. Пешком подходить — не успеет ему гляделки расхлестать. Верхом — лошади подведут, не строевые. Чересчур часто по нему палить, смотришь, и поумнеет, раскинет что к чему. Засада нужна. А как устроить?

В их тревожные мысли ворвался стук копыт, и незадачливые ратоборцы повернули головы. Трое, нахлестывая лошадей, скакали напролом, спрямляя торную извилистую дорогу — снова голубые вездесущие мундиры, стрюки. Но все же это была вооруженная сила, власть. Сообразив это, поручик дал шенкеля своему коньку, вымахнул наперерез, закричал.

Кони под теми взрыли копытами землю, взнесенные резко натянутыми поводьями на дыбы, заплясали. Ружейный ствол дернулся было в сторону поручика, но опустился к руке. Поручик узнал знакомую Щучью Рожу, и сердце упало, на душе стало серо и мерзко.

— Па-азвольте заметить, что вы, будучи вне строя, тем не менее имеете на себе пояс с револьвером в кобуре, — сказал Крестовский, словно бы ничуть не удивившись неожиданной встрече. — И второй револьвер, заткнутый за пояс, противоречит всякому уставу. Где ваша фуражка, наконец?

Поручик невольно схватился за голову — не было фуражки на ней, буйной и раскудрявой; бог знает, где фуражку оставил, когда уронил. Но не время пикироваться. Он заспешил, захлебываясь словами, успевший подъехать урядник вставлял свое, оба старались говорить убедительно и веско, но чувствовали — выходит сумбурно и несерьезно,

— Так, — сказал ротмистр Крестовский. — Как же, слышал, слышал, чрезвычайно завлекательные побрехушки... Оставьте, поручик. Все это — очередные происки нигилистов, скажу я вам по секрету. Никаких сомнений. Вы с этим еще не сталкивались, а мы научены — все эти поджоги, слухи, подложные его императорского величества манифесты, золотыми буквами писанные, теперь вот чудо-юдо выдумали. А цель? Вы, молодой человек, не задумывались, какую цель эти поползновения преследуют? Посеять панику и взбунтовать народонаселение против властей. Позвольте мне, как человеку, приобщенному и опытному, развеять ваши заблуждения. Цель одна у них — мутить народ да изготавливать бомбы. Знаем-с! Все знаем!

Он выдернул из-за голенища сапога свернутую карту и с торжеством потряс ею перед носом поручика. Сунул обратно — небрежно, не глядя, поторопился разжать пальцы — и карта, скользнув по голенищу, упала на землю. Нижние чины не заметили, а поручик заметил, но не сказал, он подумал, что им с Платоном иметь карту местности совершенно необходимо, а стрюк справится и так, коли ему по службе положено иметь верхнее чутье, как у легавой...

Сочтя, очевидно, тему беседы исчерпанной, ротмистр обернулся к своим:

— Рысью марш!

И они тронулись, не обращая внимания на крики поручика с Платоном, забыв недавнюю стычку и неприязнь к Щучьей Роже, поручик орал благим матом, ничуть не боясь, что его примут за умалишенного, и Платон ему вторил: иначе нельзя было, на их глазах живые люди, крещеные души, какие-никакие, а человеки мчались, не сворачивая, прямехонько к нелюдской опасности. В их воплях уже не было ничего осмысленного — словно животные кричали нутром, предупреждая соплеменников.

Но бесполезно. Три всадника скакали, не задерживаясь, вот уже за деревьями исчезли голубые мундиры, вот уже стук копыт стал глухнуть... и тут окрестности огласились пронзительным воплем, бахнул выстрел, страшно заржала лошадь, донесся уже непонятно кем исторгнутый крик боли и страха. И наступила тишина.

Они переглянулись и поняли друг друга — никакая сила сейчас не заставила бы их направить коней к тому леску. Платон пошевелил губами:

— Упокой, господи...

Поручик развернул мятую двухверстку — неплохие карты имелись в отдельном корпусе, следовало признать. Даже ручей, что неподалеку отсюда, был указан. Три деревни, большая дорога. И верстах в десяти отдельно стоящий дом у самых болот — на него указывала синяя стрела, и синяя же линия дом обводила.

— Вот туда мы и отправимся, — сказал поручик.

Платон спросил одними глазами: «Зачем?»

А поручик и сам не знал в точности. Нужно же что-то делать, а не торчать на месте, нужно выдумать что-то новое. Похоже, в том именно доме и живет барин, обозревающий небеса в подзорную трубу, что подразумевает наличие известной учености. А разве в безнадежном положении помешает им, запас-

ным стросвикам, исчерпавшим всю военную смекалку, образованный человек? Вдруг и нет. К тому же была еще одна мыслишка. не до конца продуманная, но любопытная...

Дом оказался каменный, но обветшавший изрядно, облупленный, весь какой-то пришибленный, как мелкий чиновничек, которому не на что опохмелиться, хотя похмелье выдалось особо гнетущее. Три яблони — остатки сада. Построек нет и в помине, только заросшие травой основания срубов. Одна конюшня сохранилась.

Они шагом проехали к крыльцу, где бревно заменяло недостающую колонну, остановились. Прислушались. Дом казался пустым. Зеленели сочные лопухи, поблизости звенели осы.

— Тс! — урядник поднял ладонь.

Поручик почувствовал — что-то изменилось. Тишина с лопухами, солнцем и осами словно бы стала напряженной. Словно бы кто-то наблюдал за ними из-за пыльных стекол, и не с добрыми чувствами. Слишком часто на них смотрели поверх ствола, чтобы они сейчас ошиблись.

— Ну, пошли, что ли? — сказал поручик и мимоходом коснулся рукоятки кольта за поясом.

Платон принялся спутывать лошадей, и тут зазвучали шаги. Молодой человек в сером сюртуке вышел на крыльцо, спустился на две ступеньки, так что их с поручиком разделяли еще четыре, и спросил довольно сухо:

— Чем обязан, господа?

Недружелюбен он, а в захолустье всегда наоборот, рады новым людям. Ну, мизантроп, быть может. Дело хозяйское.

Поручик поднял было руку к козырьку, но спохватился, что козырек отсутствует вместе с фуражкой, дернул ладонью, и жест выглядел весьма неуклюже:

— Белавинского гусарского полка поручик Сабуров. Урядник Нежданов сопутствует. С кем имею честь, с хозяином сего имения, надо полагать?

— Господи, какое там имение... — одними уголками рта усмехнулся молодой человек. — Вынужден вас разочаровать, если вам необходим был хозяин, — перед вами его гость.

А ведь он не отрекомендовался, подумал поручик. Они стояли истуканами, разглядывая друг друга, и наконец неприветливый гость, обладавший тем не менее уверенными манерами хозяина, нарушил неловкое и напряженное молчание:

— Господа, вам не кажется, что вы выглядите несколько странно? Простите великодушно, если...

— Ну что вы, — сказал поручик. — Под стать событиям и вид.

Гость неизвестного хозяина не проявил никакого интереса к событиям, приведшим военных в такой вид. Вновь повисло молчание. Словно осветительная ракета в кромешной тьме лопнула перед глазами поручика, и он заговорил громко, не в силах остановиться:

— Роста высокого, сухощав, бледен, глаза голубые, белокур, бороду бреет, в движениях быстр, может носить усы на военный манер...

Полностью отвечающий этому описанию молодой человек оказался действительно быстр в движениях — в его руке тускло

блеснул металл, но еще быстрее в руках урядника мелькнул ружейный приклад, и револьвер покотился по ступенькам вниз, где поручик придавил его ногой. Платон надел на белокурого, сбил его с ног и стал вязать поясом, приговаривая:

— Не вертись, ирод, турок обратывали...

Поручик не встревал, видя, что подмоги не требуется. Он поднял револьвер — паршивенький «бульдог» — осмотрел и спрятал в карман. Декорации обозначились: палило солнце, звенели осы, на верхней ступеньке помещался связанный молодой человек, охраняемый урядником, а шестью ступеньками ниже — поручик Сабуров. Ну, и лошади — без речей, как пишут в театральном программках.

Положение было самое дурацкое. Поручик вдруг подумал, что большую часть своей двадцатитрехлетней жизни провел среди армейских, военных людей, и людей всех прочих сословий и состояний, вроде вот этого, яростно зыркающего глазами, просто-напросто не знает, представления не имеет, чем они живут, чего от жизни хотят, что любят и что ненавидят. Он показался себе собакой, не умеющей говорить ни по-кошачьи, ни по-лошадиному, а пора-то вдруг настала такая, что надо знать языки иных животных...

— Нехорошо на гостей-то с револьвером, — сказал Платон связанному. — Нешто мы в Турции? Ваше благородие, ей-богу, о нем жандармы речь и вели. За него нас и приняли, царство ему небесное, ротмистру, умный был, а дурак...

— Да я уж сам вижу, — сказал поручик. — А вот что нам с ним делать, скажи на милость?

— А вы еще раздумываете, господу жандармы? — рассмеялся им в лицо пленник.

— Что-о? — навис над ним поручик Сабуров. — Военных балканской кампании принимать за голубых крыс?

— Кончайте спектакль, поручик.

И хоть кол ему на голове теши — ничего не добились и за подлинных военных принять не были, оставаясь в ранге замаскированных жандармов. Потерявши всякое терпение, они матерились и орали, трясли у него перед глазами своими бумагами — он лишь ухмылялся и дразнился, попрекая бесталанной игрой. Рассказывали про разгромленный постоянный двор, про жуткий блин с щупальцами, про нелепую кончину ротмистра Крестовского вкупе с нижними чинами отдельного корпуса — как об стенку горох, разве что в глазах что-то закигалось. Как в горах — шагали-шагали и уперлись рылом в отвесные скалы, и вправо не повернуть, и слева не обойти, остается убираться назад несолоно хлебавши, а драгоценное время бежит, солнце клонится...

— Да в такую богородицу! — взревел Платон. — Будь это язык мусульманский, он бы у меня давно пел, как кот на крыше, а такой, свой — ну что с ним делать? Хоть ремни ему из спины режь — в нас не поверит!

Ясно было, что все так и есть — не поверит. Нету пополнения у невеликой воинской команды, выходит, что и не будет, игра идет при прежнем раскладе с теми же ставками, где у них — медяк против горстки золотых, двойки против козырей и картинок...

— Ладно, — сказал поручик, чуя в себе страшную опустошенность и тоску. — Развязывай его, и тронемся. Время уходит. А у нас мало его. Еще образованный, должно быть... Что стал? Выполняй приказ!

Развязали Фому неверующего и в молчании взобрались на коней. Поручик, немного отъехав, зашвырнул в лопухи «бульдог» и не выдержал, крикнул с мальчишеской обидой:

— Подберешь потом, вояка! А еще нигилист, жандармов он гробит! Тут такая беда...

В горле у него булькнуло, он безнадежно махнул рукой и подхлестнул коня. Темно все было впереди, темно и безрадостно, и умирать не хотелось, и отступать нельзя никак, совесть заест; и он не сразу понял, что вслед им кричат:

— Господа! Ну, будет! Вернитесь!

Быстрый в движениях нигилист поспешал за ними, смущенно жестикулируя обеими руками. Они враз остановили коней.

— Приношу извинения, господа, — говорил, задыхаясь от быстрого бега, человек в сером сюртуке. — Обстоятельства, понимаете ли... Находиться в положении загнанного зверя...

— Сам, поди, себя в такое положение и загнал, — буркнул тяжело отходивший от обиды Платон. — Неволил кто?

— Неволил Россия, господин казак, — сказал тот. — Вернее, Россия в неволе. Под игом увенчанного императорской короной тирана. Народ стонет...

— Это вы бросьте, барин, — угрюмо сказал урядник. — Я присягу давал. Император есть божий помазанник, потому и следует со всем возможным почтением...

— Ну а вы? — нигилист ухватил Сабурова за рукав помятого полотняника. — Вы же человек, получивший некоторое образование, разве вы не видите, не осознаете, что Россия стонет под игом непарламентского правления? Все честные люди...

Поручик Сабуров уставился в землю, покрытую сочными лопухами. У него было ощущение, что с ним пытаются говорить по-китайски, да вдобавок о богословии.

— Вы, конечно, человек ученый, это видно, — сказал он неуклюже. — А вот говорят, что вас, простите великодушно, наняли ради смуты жида и полячишки... Нет, я не к тому, что верю в это, говорят так, вот и все...

Нигилист в сером захохотал, запрокидывая голову. Хороший был у него смех, звонкий, искренний, и никак не верилось, что этот ладный, ловкий, так похожий на Сабурова человек может заподостаться внешним врагам для коварных усилий по разрушению империи изнутри. Продавшиеся, в представлении поручика, были скрючившимися субъектами с бегающими глазками, крысиными лицами и жадными растопыренными пальцами — вроде разоблаченных шпионов турецкой стороны, которых он в свое время приказал повесить и ничуть не маялся оттого угрызениями совести. Нет, те были совершенно другими — выли, сапоги целовали... Этот, в сюртуке, на виселицу пойдет, как полковник Пестель. Что же выходит, есть ему что защищать, что ли?

— Не надо, — сказал поручик. — При других обстоятельствах мне крайне любопытно было бы вас выслушать. Но положение на театре военных действий отвлеченных разговоров не терпит... Кстати, как же вас все-таки по батюшке?

— Воропаев Константин Сергеевич, — быстро сказал нигилист, и эта быстрота навела Сабурова на мысль, что при крещении имя тому давали все же другое. Ну да бог с ним, нужно же его хоть как-то именовать...

— Значит, и Гартмана вы — того...

— Подлого сатрапа, который приказал сечь заключенных, — сказал Воропаев, вздернув подбородок. — Так что вы можете... по начальству...

— Полноте, Константин Сергеевич, — сказал Сабуров. — Не до того, вы уж там сами с ними разбирайтесь... Наше дело другое. Представляете, что будет, если тварь эта и далее станет шастать по уезду? Пока власти зашевелятся...

— Да уж, власти российские, как указывал Герцен...

— Вы вот что, барин, — вклинился Платон. — Может, у вас, как у человека умственного, есть соображения, откуда эта казнь египетская навалилась?

— Соображения... Да нет у меня соображений. Знаю и так, понимаете ли...

— Так откуда?

— Если желаете, сейчас и отправимся посмотреть. Вы позволите, господин командир нашего партизанского отряда, взять ружье?

— Почел бы необходимым, — сказал Сабуров.

Воропаев взбежал по ступенькам и скрылся в доме.

— Что он, в самом деле бомбой в подполковника? — шепнул Платон.

— Этот может.

— Как бы он в нас чем из окна не засветил, право слово. Будут кишки на ветках колыхаться...

— Да ну, что ты.

— Больно парень характерный, — сказал Платон. — Такой шарахнет. Ну да, раз сам мириться следом побежал... Ваше благородие?

— Ну?

— Непохож он на купленного. Такие если в драку, то уж за правду. Только вот неладно получается. С одной стороны — есть за ним какая-то правда, прикинем. А с другой — как же насчет священной особы государя императора, коей мы присягу ставили?

— Господи, да не знаю я! — сказал в сердцах Сабуров.

Показался Воропаев с дорогим охотничьим ружьем. Они повернулись было к лошадям, но Воропаев показал:

— Вот сюда, господа. Нам лесом.

Они обошли дом, оскользаясь на сочных лопухах, спустились по косогору и двинулись лесом без дороги. Сабуров, глядя в затылок вперед шагавшему Воропаеву, рассказывал в подробностях, как все обстояло на рассвете, как сдуру принял страшную смерть великий любитель устава и порядка ротмистр Крестовский со присными.

— Коемуждо воздастся по делам его, — сухо сказал Воропаев, не оборачиваясь. — Зверь. Там с ним не было такого крижистого в партикулярном?

— Смирнов?

— Знакомство свели?

— Увы, — сказал Сабуров.

— Значит, обкладывают... Ну да посмотрим. Вот, господа.

Дерева кончились, и начиналось болото — огромное, даже на вид цепкое и глубокое. И саженях в трех от краешка сухой твердой земли из бурой жижи торчало, возвышалось нечто странное — словно бы верхняя половина глубоко ушедшего в болото огромного шара, и по широкой змеистой трещине видно, что шар внутри пуст. Полное сходство с зажигательной бомбой, что была наполнена горючей смесью, а потом смесь выгорела, разорвав при этом бомбу — иначе почему невиданный шар густо покрыт копотью, окалиной и гарью? Только там, где края трещины вывернуло наружу, виден естественный, сизо-стальной цвет шара.

Поручик огляделся, ища камень. Не усмотрев такового, направил туда кольт и потянул спуск. Пуля срикошетила с лязгом и звоном, как от первосортной броневой плиты, взбила в болоте фонтанчик бурой жижи.

— Бомба, право слово, — сказал Платон. — Только это ж какую нужно пушку — оно сажени три шириной, поди... Такой пушки и на свете-то нет, царь-пушка и то не сдюжит.

— Вот именно, у нас нет, — сказал Воропаев. — А на Луне или на Марсе, вполне вероятно, отыщется.

— Эт-то как это? — У казака отвалилась челюсть.

— Вам, господин поручик, не доводилось читать роман француза Верна «Из пушки на Луну»?

— Доводилось, представьте, — сказал Сабуров. — Давал читать поручик Кессель. Он из конной артиллерии, знаете ли, так что сочинение это читал в целях профессионального любопытства. И мне давал. Лихо завернул француз, ничего не скажешь. Однако это ведь фантазия романиста...

— А то, что вы видите перед собой — тоже фантазия?

— Но как же это?

— Как же это? — повторил за Сабуровым и Платон. — Ваше благородие, неужто можно с Луны на нас бомбить?

— А вот выходит, что можно, — сказал Сабуров в совершенном расстройстве чувств. — Как ни крути, а получается, что можно. Вот она, бомба.

Бомба действительно торчала совсем рядом, и до нее при желании легко было добросить камнем. Она убеждала без всяких слов. Очень уж основательная была вещь. Нет на нашей грешной земле такой пушки и таких ядер...

— Я не спал ночью, когда она упала, — сказал Воропаев. — Я... м-м... занимался делами, вдруг — вспышка, свист, грохот, деревья зашатало...

— Мартыян болтал про огненного змея, — вспомнил Платон. — Вот он, змей...

Все легко складывалось одно к одному, как собираемый умелыми руками ружейный затвор — огненный змей, чудовищных размеров бомба, невиданное чудо-юдо, французский роман; все сидело по мерке, как сшитый на заказ мундир...

— Я бы этим, на Луне, руки-ноги поотрывал вместе с неудобосказуемым, — мрачно заявил Платон. — Вроде как если бы я соседу гадюку в горшке во двор забросил. Суки поднебесные...

— А если это и есть лунный житель, господа? — звенящим от возбуждения голосом сказал Воропаев. — Наделенный разумом?

Они ошарашенно молчали.

— Никак невозможно, барин, — сказал Платон. — Что же он, стерва, жрет всех подряд, какой уж тут разум?

— Резонно, — сказал Воропаев. — Лунную псину какую-нибудь засунули ради научного опыта...

— Я вот доберусь, такой ему научный опыт устрою — кишки по кустам...

— Ты доберись сначала, — хмуро сказал Сабуров, и Платон увял.

— К ночи утонет, — сказал Воропаев. — Вот, даже заметно, как погружается. И никак его потом не выволочь будет, такую махину.

— И нечего выволакивать, — махнул рукой Платон.

— Вот что, господин Воропаев, — начал Сабуров. Он не привык к дипломатии, и потому слова подыскивались с трудом. — Я вот что подумал... Тварь эту вы не видели, а мы наблюдали. Тут все не по-суворовски — и пуля дура, и штык вовсе бесполезен. Не даст подойти, сгребет...

— Что же вы предлагаете?

— Поскольку господина Гартмана вы, как бы деликатнее... использовав бомбу... я и решил, что в места эти вы, быть может, укрылись приготовить схожий снаряд... Что вы ночью-то мастерили, а?

И по глазам напрягшегося в раздумье Воропаева Сабуров обостренным чутьем ухватил: есть бомба в наличии, есть!

— Я, признаться, не подумал, поручик... — Нигилист колебался. — Это вещь, которая, некоторым образом, принадлежит не мне одному... Которую я дал слово товарищам моим изготовить в расчете на конкретный и скорый случай... И против чести организации нашей будет, если...

— А против совести твоей? — Сабуров развернулся к нему круто. — А насчет того народа, который эта тварь в клочки первет, насчет него как? Россия, народ — не ты рассусоливал? Мы где, в Китае сейчас? Не русский народ оно в пасть пихает?

— Господи! — Платон бухнулся на колени и отбил поклон. — Ведь барин дело требует!

— Встаньте, что вы, — бормотал Воропаев, неловко пытаясь его поднять, но урядник подгибал ноги, не давался:

— Христом богом прошу — дай бомбу! Турок ты, что ли? Не дашь — весь дом перерою, а найду, сам кину!

— Хотите, и я рядом встану? — хмуро спросил Сабуров, чуя, какое внутреннее борение происходит в этом человеке, и пытаясь это борение усугубить в нужную сторону. — Сроду бы не встал, а вот приходится...

— Господа, господа! — Воропаев покраснел, на глаза даже навернулись слезы. — Что же вы на колени, господа... ну сосласен я!

...Бомба имела облик шляпной коробки, обмотанной холстиной и туго перевязанной крест-накрест; черный пороховой шнурок торчал сверху. Воропаев вез ее в мешке на шее лошади, Сабу-

ров с Платоном сперва держались в отдалении, потом привыкли.

Справа было чистое поле, и слева — поле с редкими чахлыми деревьями, унылыми лощинами. Впереди, на взгорке, полоска леса, и за ним — снова открытое место, хоть задавай кавалерийские батальоны с участием многих эскадронов. Животы подвздо, и все внутри холодело от пронзительной смертной тоски, плохо совмещающейся с мирным унылым пейзажем, и оттого еще более сосушей.

— Куда ж оно идет? — тихо спросил Сабуров.

— Идет оно на деревню, больше некуда, — сказал Платон. — Помните, по карте, ваше благородие? Такого там натворит... Так что нам выходит либо пан, либо пропал. В атаку — и либо мы его разом, либо оно нас.

— С коня бросать — не получится, — сказал Воропаев. — Конн понесут...

— Так мы встанем в чистом поле, — сказал Сабуров отчаянно и зло. — На пути встанем, как деды-прадеды ставали...

Они въехали на взгорок. Там, внизу, этак в полуверсте, страшный блин скользил по желто-зеленой равнине, удалялся от них, поспешал по невидимой прямой в сторону невидимой отсюда деревни.

— Упредить бы мужиков... — сказал Платон.

— Ты поскачешь? — зло спросил Сабуров.

— Да нет.

— А прикажу?

— Ослушаюсь. Вы уж простите, господин поручик, да как же я вас брошу? Не по-военному, не по-русски...

— Тогда помалкивай. Обойдем вон там, у берез. — Поручик Сабуров задержался на миг, словно пытаясь в последний раз вобрать в себя все краски, все запахи земли. — Ну, в галоп! Господин Воропаев, на вас надежда, уж сработайте на совесть!

Они далеко обскакали стороной чудище, соскочили на землю, криками и ударами по крупам прогнали коней, встали плечом к плечу.

— Воропаев, — сказал Сабуров, — бросайте, если что, прямо под ноги! Либо мы, либо оно!

Чудо-юдо катилось на них, бесшумно, как призрак, скользило над зеленой травой и уже заметило их, несомненно, — поднялись на стебельках алые шары, свист-шипенье-клекот пронеслись над полем; зашевелились, расправляясь, клубки шупалец, оно не задержало бега, ни на миг не приостановилось. Воропаев чиркнул сразу несколькими спичками, поджег смолистую длинную лучинку, и она занялась.

Поручик Сабуров изготовился для стрельбы, и в этот миг на него словно нахлынули чужая тоска, непонимание окружающего и злоба, но не человеческие это были чувства, а что-то животное, неразумное. Он словно перенесся на миг в иные, незнакомые края — странное фиолетовое небо, вокруг растет из черно-зеленой земли что-то красное, извилистое, желтое, корявое, сметанно-белое, загогулистое, шевелится, ни на что не похожее, что-то тяжелое перепархивает, пролетает, и все это не бред, не видение, все это есть — где-то там, где-то далеко, где-то...

Сабуров стряхнул это наваждение, яростно, без промаха стал палить из обоих револьверов по набегающему чудищу. Рядом загромычало ружье Платона, а чудище набегало, скользило, наплывало, как ночной кошмар, и вот уже взвились шупальца, взмыли сеть, заслоняя звуки и краски мира, пахнуло непередаваемо тошнотворным запахом, бойки револьверов бесцельно колотили в капсулы стреляных гильз, и Сабуров, опаматовавшись, отшвырнул револьверы, выхватил шашку, занес, что-то мелькнуло в воздухе, тяжело закувыркалось, грузное и дымящее...

Громоподобный взрыв швырнул Сабурова в траву, перевернул, проволочил; словно бы горящие куски воздуха пронесли над ним, словно бы белесый дым насквозь пронизал его тело, залепил лицо, в ушах надрывались ямские колокольцы, звенела сталь о сталь...

А потом он понял, что жив и лежит на траве, а вокруг тишина, но не от контузии, а настоящая — потому что слышно, как ее временами нарушает оханье. Поручик встал. Охал Платон, уже стоявший на ногах, одной рукой он держал за середину винтовку, другой смахивал с щеки кровь. И Воропаев, который не Воропаев, уже стоял, глядя на неглубокую, курившуюся белесой пороховой гарью воронку. А вокруг воронки...

Да ничего там не было почти. Так, клочки, ошметки, мокрые хлопья, густые брызги.

— А ведь сделали, господа, — тихо, удивленно сказал поручик Сабуров. — Сделали...

Он знал наверняка: что бы он дальше в жизни ни свершил, чего бы ни достиг, таких пронзительных минут торжества и упоения не будет больше никогда. От этого стало радостно и тут же грустно, горько. Все кончилось, но они-то были.

— Скачут, — сказал Платон. — Ишь, поди, целый эскадрон подняли, бездельники...

Из того лесочка на взгорке вылетели верховые и, рассыпаясь лавой, мчались к ним — человек двадцать в лазоревых мундирах, того цвета, что страсть как не любил один поручик Тенгинского полка, оставшийся молодым навечно. Триумфальные минуты отошли, холодная реальность Российской империи глянула совиными глазами.

— Это по мою душу, — сказал Воропаев. — Что, господа, будет похуже лунного чуда-юда. Ничего, все равно убегу.

К ним мчались всадники, а они стояли плечом к плечу и смотрели — Белавинского гусарского полка поручик Сабуров (пал под Мукденом в чине полковника, 1904), нигилист с чужой фамилией Воропаев (казнен по процессу первомайцев, 1881), Кавказского линейного казачьего войска урядник Нежданов (помер от водки, 1886) — смотрели равнодушно и устало, как жнецы после страды, как ратоборцы после тяжелой сечи. Главное было позади, остались скучные хлопоты обычного дня и досадные сложности бытия российского, и вряд ли кому из них еще случится встретиться с жителями соседних или отдаленных небесных планет...

Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Так утверждали древние, но это утверждение, похоже, не для всего происходящего в нашем мире справедливо,